

Вы нас за людей не считаете?

Тогда мы заревем, как звери! Украинские беженцы из оккупированных «народных республик» отображают свою разорванную судьбу средствами документального перформанса.

Автор текста: Керстин Хольм (Kerstin Holm)

Перевод с немецкого языка, оригинальная статья опубликована в немецкой газете Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12.7.2016.

Оригинальная статья по ссылке:

[Kerstin Holm - Ihr seht uns nicht als Menschen an?](#)

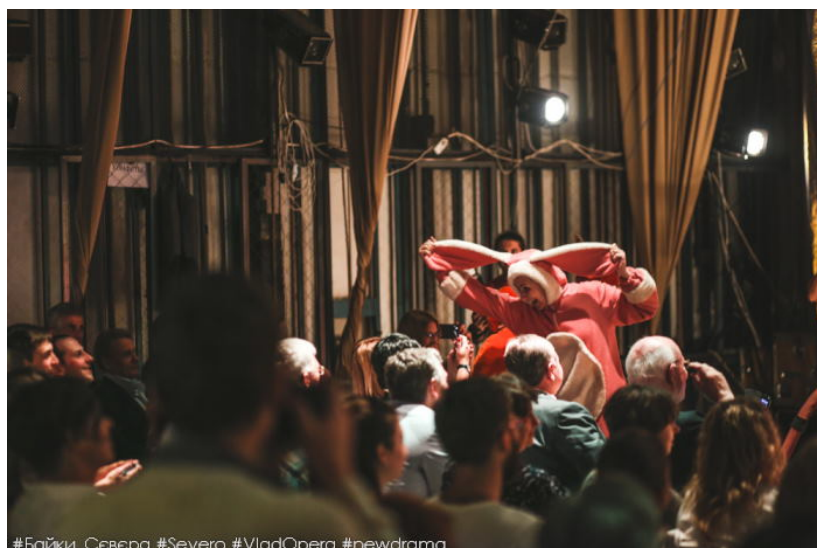

Фото © Кристина Хоменко

Северодонецк, Июль 2016

Харьков, второй по величине город на Украине, расположенный всего в сорока километрах от российской границы, в «замороженной» войне с большим соседом твердо стоит на стороне киевского руководства. Столкновения между сторонниками Евромайдана и пророссийскими активистами два года назад, во время свержения президента, остались эпизодом в истории столицы русскоязычной интеллигенции. Зато индустриальные предприятия Харькова

ввиду нехватки иных покупателей продолжают поставлять продукцию военному противнику — России. А мэр города Геннадий Кернес, который многократно, по-умному переходил с одной политической стороны на другую, за что чуть не поплатился жизнью, был переизбран подавляющим большинством голосов.

В такое время нужно уметь держать рот на замке, говорит преподаватель литературы Виктория. Она уверяет, что ее телефон прослушивается. Виктория, как и многие здесь, — наполовину русская, наполовину украинка, но идентифицирует себя с российской культурой. Она одобрила бы аннексию Харькова. К счастью, ее дочь скоро выходит замуж за москвича и станет российской гражданкой, радуется она; сожалеет она лишь о том, что жених — слабовольный никчемный человек. Виктория считает украинскую литературу второсортной, равно как и украинский театр: смесь авангардистского перформанса и буффонады, объясняет она со страдальческим выражением лица.

Итак, мы в вместо этого идем на премьеру «Мадам Баттерфляй» Джакомо Пуччини (Giuseppe Puccini) в Харьковский театр оперы. В зале сидит группа солдат. Прекрасный с музыкальной точки зрения, традиционно поставленный спектакль оказывается злободневным. Драма нежной, как цветок, японки, связавшейся с американским морским офицером и потому поссорившейся со своей родней, воспринимается на Украине, где женщина с венком из цветов на голове является национальным символом, как аллегория. Американец уезжает, оставив ее почти без денег. Однако романтическая героиня ждет его, на цветущем деревце в центре сцены до конца спектакля красуется звездно-полосатый флаг. Наконец он приезжает, но лишь для того, чтобы забрать у нее их общего ребенка. Может, это символизирует множество молодых украинцев, покинувших родину в направлении Запада?

Мы проезжаем район ведения боевых действий, называемый зоной АТО, сокращением от словосочетания «антитеррористическая операция». Наша

цель — Северодонецк, бывший социалистический образцовый город в свободной части Луганской области. В Северодонецке, который лишь несколько месяцев был в руках ополченцев пророссийских «народных республик», находится резиденция луганского губернатора в изгнании. Многие бежавшие от оккупантов луганцы нашли тут работу и убежище. Поэтому общество «Владопера», организующее независимые культурные проекты в России и на Украине, совместно с киевским отделением Института имени Гете создало тут документальный спектакль под названием «Байки Севера»; Спектакль, лечащий душевные раны многих восточных украинцев, которые и от России пострадали, и на которых их же земляки на западе смотрят с недоверием.

В поезде едут военные в камуфляже, кроме них — пожилая дама из оккупированного городка Альчевск, чей сын, медик, уехал в Санкт-Петербург, где нашел себе работу, что не убавило гнева матери на оккупантов Альчевска. Правда, и борцы с терроризмом, по крайней мере известные своим националистическим безумием части из Западной Украины, кажется, здесь не особо в почете. Водитель автобуса, везущий нас на последнем участке пути, реагирует на вопрос, кто в регионе задает тон, с сарказмом: «Всегда тот, кто размахивает „калашниковым“!» В лесах еще много непогребенных трупов бойцов, уверяет он. Мы минуем укрепленные мешками с песком контрольно-пропускные пункты. Люди с оружием не собираются нас проверять. Уже несколько месяцев, по свидетельствам местных жителей, они ведут себя спокойно.

Северодонецк своим существованием обязан советскому режиму. Он был основан в 30-х годах для сотрудников предприятия по производству химических удобрений «Азот», который сегодня принадлежит экономической империи олигарха Дмитрия Фирташа, «Eastham». Великолепные дворцы культуры, широкие бульвары, стоящие в зелени жилые дома возникли в период между поздним сталинизмом и стагнацией брежневской эпохи. Ухоженный музей химического комбината, актуальные почетные доски с именами

заслуженных граждан, роспись и мозаика на здании позволяют сделать вывод, что воспоминания о коммунистическом строе здесь — не из самых плохих. Но поскольку во время боев два года назад пострадала электростанция, химический комбинат не работает. А победоносные правительственные войска снесли памятник Ленину на центральной площади. Беженцы из Луганска часто окольными путями попадали в Северодонецк. Шестнадцатилетняя школьница Ангелина, когда начались бои, со своей матерью переехала в российский Екатеринбург, где живет ее бабушка. Затем бежал и отец, семья из четырех человек воссоединилась в Харькове и теперь ютится в северодонецкой однокомнатной квартире, так как родители нашли работу в администрации. Большинство их луганских знакомых поначалу приветствовали сближение с Россией, вспоминает Ангелина, но скоро к ним пришло разочарование. Документы об окончании учебных заведений, находящихся в сепаратистских регионах, не признаются ни на Украине, ни в России. Правда, тем временем некоторые бежавшие луганцы, как сообщает серьезная девушка, вернулись обратно. Но все это люди, которым ни в России, ни на Украине не удалось начать все заново, и у которых на прежней родине, по крайней мере, есть крыша над головой.

Семнадцатилетний Александр, бабушка которого все еще живет в оккупированном городке Первомайске, также сначала переехал с родителями в Краснодар, город на юге России. Да, подтверждает Геннадий, от бунта на киевском Майдане в 2014 году на востоке никто не был в восторге. Но теперь примерно половина жителей придерживается пророссийской, другая половина — проукраинской позиции. Александр относится ко второй половине. Под впечатлением от войны молодой человек решил после окончания школы поступать в Киевскую военную академию, чтобы стать профессиональным военным.

Судьбы киевского режиссера Андрея Мая и актеров покинувшего свой город Луганского музыкально-драматического театра олицетворяют разорванный российско-украинский симбиоз. Май, учившийся в московском театральном

вузе ГИТИС и еще два года назад представивший в Москве свою документальную драму «Дневники Майдана», больше не ездит в Россию. Луганская актриса Инна Амброзиева, выросшая, будучи наполовину украинкой, в Якутии, в 2014 году приняла участие в референдуме о самоопределении Луганской Народной республики и искала ангажемент в России, прежде чем вернуться на Украину. Ее коллега Иван Шморгунов бежал из оккупированного русскими Крыма, из-за чего его патриотически и пророссийски настроенный отец называет его предателем.

При этом эти беженцы находятся меж двух огней. На западе страны проблемы восточнoукраинских мигрантов никого не волнуют, как говорит Максим, приехавший из Львова. Там восточных украинцев принципиально считают скрытыми предателями и причиной всех проблем. Режиссер Май обыгрывает тему коммуникативного сбоя внутри Украины в своей театральной постановке. Герои его документального перформанса вбегают в пестрых костюмах зверей, — кот в сапогах, розовая свинка, белка, — на сцену центрального дворца культуры. Мы не интересуем вас как люди? Тогда мы будем разговаривать с вами как звери — таково их послание. Двунogie сказочные звери гримасничают, их визг, похожий на звуки, издаваемые гологрудыми активистками феминистского протестного движения «Фемен», усиленный микрофонами, разносится по залу. Они также олицетворяют собой добрых сказочных чудовищ, которых придумала маленькая дочь луганской актрисы Татьяны Плис, изображающей свинку. Внезапно становится темно, гремит канонада — поэтому ребенок и придумал для себя параллельный мир!

Спектакль состоит из историй жизни актеров. В рыжей белочке скрывается учительница музыки Анна Шивица, которая вновь и вновь затягивает строгий, будоражащий душу псалом Сергея Рахманинова. Анна поет в церковном хоре, это ее второй дом, признается она и вспоминает церковную службу, во время которой из-за грохота обстрелов дрожал пол в церкви; певцы не слышали собственного голоса, только священник, совершавший литургию, был само спокойствие. Розовая зайчиха с огромными висящими ушами, это Анна Амброзиева, заверяющая, что никогда не была за раскол Украины и даже

написала как-то стихотворение на украинском. Зайчиха Амброзиевой подобно дирижеру делит публику на две половины, левый и «правый сектор» — так называется западноукраинская националистическая партия; она, как на детском дне рождения, просит их декламировать хором, чтобы показать, что оба фланга в только вместе образуют единое целое.

Под конец Иван Шморгунов, сменивший свой костюм кота на отливающий золотом «металлический» костюм, потчует публику исполненной фарса утопией страны, увязшей в кризисе. Украина — это яйцо под звездным европейским небом, в апогее которого, как солнце, красуется Германия, гнусит Шморгунов на подхалимском английском. Ее лучи — это евро, говорит он и рисует на доске большое яйцо, над ним круг, а между ними — соединительные линии. Нужно направить на яйцо как можно больше евро-лучей, чтобы однажды оно зазолотилось, заклинает Шморгунов. Чего в публике никто не подозревает: это тоже документальный театр. Май почти буквально перенес на сцену выступление одного бизнесмена на Киевской экономической конференции.

Однако баснях про животных зрители узнают свое отражение. Она пережила огонь российских ракетных систем «Град» и видела, как топтали украинские флаги, признается бежавшая жительница Луганска во время дискуссии, которая следует за этим в том числе и терапевтическим мероприятием. Единство Украины возможно, заверяет она дрожащим голосом. Губернатор Юрий Гарбуз рассказывает, как он, дышавший в равной степени как русским, так и украинским воздухом, порвал со своими родными в России, потому что те заговорили об «украинском нападении». И как его потом в Киеве, по пути в парламент, обыскивали как крайне подозрительную личность, только потому, что он родом из Луганска.

Юлия, русская из Луганска, переехавшая в находящийся юго-восточнее Краматорск, воспринимает и эту дискуссию, во время которой все, у кого

родной язык русский, говорят по-украински, как театр. Люди играют ту роль, которой сегодня от них ожидают, объясняет Юлия, коренная женщина, работающая в отделе сбыта предприятия другого украинского олигарха, Рината Ахметова. Ахметов, который перенес свою резиденцию из оккупированного Донецка в Киев, также осуществляет поставки военному противнику — России, прежде всего — угля. Кроме того, на нужде беженцев наживаются предприимчивые псевдопатриоты, говорит переселенка. Например, исчезнувший из Северодонецка Алексей Кормилецкий, который в прошлом году присвоил себе средства из фонда Международной организации по миграции.

Юлия рассказывает, что после начала оккупации она поначалу оставалась в родном Луганске. Но когда ее дети вернулись из школы индоктринированными, ей стало ясно, что нужно покинуть город. И что за люди пришли там к власти? Отбросы общества, жалуется она, качая головой. Должно быть, так выглядело все после Октябрьского переворота! Даже пограничники выпрашивали у них деньги и топливо. Когда на другой стороне украинский пограничник посоветовал ей поднять стекло автомобиля, чтобы убереечь детей от пыли, она разрыдалась, вспоминает она. Украинская нация — на подъеме, заверяет русская патриотка Украины; благодаря Путину.

Ссылка на сайт проекта «Байки Севера»:

www.facebook.com/legends.from.severo

На сайте можно оставить комментарии.